

НАТАЛИЯ
РОМАНОВА

Мое
СОЛНЕЧНОЕ
НАВАЖДЕНИЕ

Наталия Романова

Мое солнечное наваждение

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Мое солнечное наваждение / Н. Романова — «Наталья Романова», 2022

Из детдомовской сироты – в богатые наследницы. Из приемника миллиардера – в попечителя чужого наследства. Между ними – разница в возрасте, чужое мнение, собственные предрассудки. Чем же закончится безумное наваждение, тянущее их друг к другу?

© Романова Н., 2022

© Наталья Романова, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталья Романова

Мое солнечное наваждение

Глава 1

Глаза слипались, голова рефлекторно откидывалась назад, приходилось посекундно одёргивать себя, растирать ладонями лицо, щипать руки. В открытое окно автомобиля рванул свежий воздух, насыщенный звуками и запахами леса – иллюзией сельской жизни для городского жителя.

Дорога в закрытый коттеджный посёлок в пятидесяти километрах от мегаполиса неслась по трассе федерального значения, лишь оставшиеся пять проходили сквозь лес, усыпанный дачными домишками, как грибами. Последние триста метров заканчивались шлагбаумом, за которым находился домик – пропускной пункт охраны с заспанным доблестным работником.

Шлагбаум поднялся мгновенно, не пришлось тормозить. Несколько домов на въезде за высокими заборами с камерами слежения сразу давали понять, что посёлок – не просто дорогое место, а элитное, покрытое глянцем, коркой самодовольства. Претензия к окружающему миру – обиталище сильных мира сего.

Несколько поворотов по пустынному посёлку вдоль заборов, за которыми не видно ничего, даже крыш домов – настолько участки были огромные. Мелькнула знакомая ограда, камера повернулась в сторону подъезжающей машины. Поворот, нажатие брелока, чтобы открылись автоматические ворота, и долгожданный «стоп» на рычаге коробки передач.

Приехал! Следующие шаги: быстрый душ и блаженный сон в загородной тишине, при закрытых окнах, чтобы даже чириканье птиц не мешало.

Десятичасовой перелёт вымотает кого угодно, неважно каким классом летишь, а если до этого не спать сутки – тем более.

Громкая музыка приближалась по мере того, как становился ближе парадный вход в дом, с ухоженным пространством перед ним. С дорожками, петляющими вдоль газона, с виднеющимися мостиками над прудом с японскими карасями, вычурным фонтаном из мрамора. Не хватало лишь статуй вдоль дорожки, ведущей к крыльцу в стиле неоклассики, и парочки лакеев в ливреях. Впрочем, всё впереди.

– Ваше имя, пожалуйста? – молодая девица с задорным макияжем, в коротком платье, с лифом, обтягивающим грудь, дружелюбно улыбалась и моргала.

– В каком смысле? – он посмотрел вверх головы девицы: там, на площадке у дома, напротив фонтана, были накрыты столы под белыми шатрами, сновали официанты, бегали ростовые куклы, развлекавая детей.

Каких детей, черт побери? Этот дом полтора десятка лет не видел детей. Здесь всегда тихо, как в колумбарии, именно поэтому, выйдя из терминала аэропорта, он направился сюда, а не в пентхаус, купленный несколько месяцев назад, где всё ещё раздражающе пахло свежим ремонтом, и тем более не в квартиру в центре города.

– Мне надо свериться со списком приглашённых, – пояснила девица, моргнув пару раз ужасающе-нарощенными ресницами.

– Герман Марков, – растерянно проговорил он, понимая, что ни в каких списках его быть не может. Дурдом!

– Простите, но... – пролепетала девица, разглядывая Германа, оценивая и его, и ситуацию.

Смотри, девочка, хорошенечко смотри. На марку часов, обуви, чёртова надоевшего галстука, обрати внимание на раздражённую улыбку, застывшую на губах, показную вежливость, готовую в любой момент сорваться в нецензурщину. Оценивай, насколько быстро вылетишь из этого дома и с работы, если не сообразишь, как именно поступить.

– Дорогой мой!

Навстречу семенила Нина Глубокая – мама, как иногда он её называл. Именно так: иногда «мама», иногда «Нина».

– Я не ждала, – накинулась Нина с объятиями, девица в это время отошла в сторону, заметно выдохнув.

Ещё бы! Устраивать праздники богатым людям, от которых неизвестно что и когда ожидает – всё равно, что ходить по минному полю. Да, в конце тебя ждёт приз – хорошая оплата, рекомендации, если повезёт, следующий заказ у толстосумов, но сам процесс мог вымотать кого угодно. Увы, Герману не жаль ни девицу, ни её коллег, ни ростовую куклу коня с огромной пятой точкой.

– А что происходит? – приобнял он Нину, и они двинулись к дому.

– Ярина закончила школу. Праздник! – протянула Нина, улыбаясь в тридцать два зубных импланта – Десятилетие, выпускной, начало новой, насыщенной событиями жизни, – трещала голосом позитивного аниматора Нина, и только близкие люди могли в искусной игре отчётливо прочитать: «Чтобы она провалилась, малолетняя тварь!»

– Чёрт, я хотел поспать, – вздохнул Герман, смотря, как из дома высыпала группа молодёжи. Разбитные, холёные, довольные жизнью дочки и сынки, уверенные в завтрашнем дне нахалы, не способные опорожниться без родительской помощи, мнящие себя королями мира.

– О... Как долетел, кстати? – поинтересовалась Нина. – Как дела? Всё хорошо?

– В рабочем режиме, – буркнул Герман, рассматривая группу девчонок, покачивающихся в такт орущей музыке. – Музыкальное сопровождение лучше выбрать не могла?

По импровизированной сцене ходил долговязый парень, выдавливал из себя слова. Придётся спать под гнусавый рэп. Почему самолёт, на котором он прилетел, не потерпел крушение где-нибудь над Атлантикой? Быстро сдохнуть от разгерметизации салона гуманней, чем от песен соплежуха, несущихся над всем участком.

– Это Би-Ти... – Далее шёл маловразумительный набор звуков, не сказавший Герману ровным счётом ничего. – Очень модный исполнитель, дорогой. – На последнем слове сделался акцент.

Главное не качество, а стоимость. Речь об Ярине – наследнице Дмитрия Анатольевича Глубокого, а значит, всё должно быть самым дорогостоящим, даже если это обгадившийся кот, изображающий из себя музыканта.

– Ясно. – герман кивнул, давая понять, что обмен любезностями окончен.

Сейчас он хотел отправиться туда, где относительно тихо. Не слышно гнусавого чтения со сцены, вызывающего девичьего смеха, гогота молодых сосунков, писка детей, убегающих от аниматора в костюме Джека Воробья.

Мужику на вид было лет сорок, время от времени он протирал пот со лба и снова нёсся развлекать самодовольных детишек, будущих королей мира. Несчастный Джек будет скакать до шестидесяти лет, пока не загнётся в замшелой больнице от обширного инсульта и отсутствия нужных медикаментов, а эти детки вырастут, начнут править миром, гребя в карман наличность, переступая через всё и вся, в первую очередь через старых, вышедших в тираж Джеков Воробьёв.

Уже у входной двери остановился, оглянулся ещё раз на стайку девчонок. Миловидная блондиночка в вызывающем красном платье зацепилась за взгляд Германа, оценивающе смерила мужскую фигуру и, похоже, найдя то, что видит, привлекательным и достойным внимания, призывно улыбнулась, следом скользнула кончиком языка по губам.

Германа передёрнуло. Сколько лет этой сиялке? Ярина старше одноклассниц на год. Если блондинка её одноклассница – восемнадцать, если дочь кого-то важного, может, и того меньше. Думать в этом направлении не стал, едва не вывернуло. Девчонка – сопля, у которой из очевидных достоинств лишь бренд платья и стоимость причёски, уже приглядывается, кому бы продать себя, заключить сделку, пока грудь высока.

Быстро поднялся на второй этаж, в свои комнаты. Слава всем чертям, музыка была почти не слышна, не гробовая тишина, но всё-таки лучше, чем он представил изначально, когда увидел творящийся бедлам. В жилые комнаты гости не придут.

На первом этаже помимо кухонной зоны со столовой, просторного вестибюля и гостиной, располагался банкетный зал, специально обустроенный для таких случаев. Несколько баров, светящиеся полы, сцена, лаунж-зона – всё в лучших традициях ночных клубов. За всю бытность Германа в этом доме, в помещении не прошло ни одной вечеринки, Дмитрий и Нина не славились гостеприимством, но зал – был. И это не считая фуршета под открытым небом, распинаящихся артистов, весёлых аниматоров. Всё, лишь бы отпрыски богатых семейств были довольны. А пресса написала восторженные отзывы о «Девятнадцатилетии, выпускном, начале новой, насыщенной событиями жизни наследницы Дмитрия Глубокого».

Герман быстро разделся, бросил вещи на кровать – горничная заберёт, – и отправился в душ. Спать по-прежнему хотелось безумно, глаза закрывались, минутный бодрок, настигший при виде девицы со списком приглашённых, испарился.

Струи воды смывали не только пот, усталость, но и злость, неконтролируемое раздражение. В последнее время проблемы наваливались и неслись как лавина, сметая всё живое на своём пути. Герман привык держать под контролем всё, от важнейших контрактов, работы финансового директора до трудового дня обычных служащих. От цвета салфеток на собственном обеденном столе до марки трусов любовницы. Именно этому учил Дмитрий Глубокий, наживший за недолгую, в общем-то, жизнь, капитал, которого хватит не только детям, вернее, единственной дочери – возникшей пять лет назад, как чёрт из табакерки, – но и внукам. Если Герман будет примерным учеником, то правнукам правнуков тоже достанется.

Всё-таки паршивая была идея – отправиться в загородный дом. Как он мог забыть про выпускной и девятнадцатилетие Ярины? Зачем проехал безумное расстояние от аэропорта до посёлка, когда можно было наслаждаться покоем в собственном пентхаусе, в компании покладистой, ухоженной любовницы, млея от умелых ласк.

Герман привык смотреть правде в глаза, какой бы уродливой та ни была. А правда была в том, что он имел неосторожность влюбиться в девчонку, считавшуюся ему сестрой. Хотя, какая она, к лешему, сестра?! И по документам они были чужими людьми, и по крови. Ни единой капли, ни сраного общего гена. Ни-че-го!

Ярина такая же сестра, как та девчонка в красном платье, плотоядно облизывающая губы, готовая подать себя без гарнира. Впрочем, у той девицы оставался призрачный шанс быть его родственницей. Биологического отца Герман не знал, лишь имя и то, что тот был отменным кобелём, испортившим жизнь матери. Запомнилось потёртое фото «папаши» с мамой, где она совсем юная, с красивым, не обезображенным алкоголем лицом – таким, каким навсегда врезалось в память семилетнего мальчишки. Если когда-нибудь Герман Марков встретит своего биологического отца – уничтожит его.

Вышел из душа, жалея о собственном решении ещё сильнее. Вода взбодрила, горячие струи вызвали тяжесть в паху. За три недели в Малибу он не удосужился прихватить девицу, скинуть накопившееся напряжение. Проще было бы взять любовницу с собой. Пожарилась бы под горячим калифорнийским солнцем, спустила бы круглую сумму на ненужное шмотьё, заодно решила бы половые проблемы того, кто платит за её радости. Только всё это предполагало совместное проживание. Сраное ежечасное отсвечивание перед глазами женщины, кото-

рой полагается приехать вовремя, сделать то, что требуется здесь и сейчас, и свалить в свою квартиру, тихо закрыв за собой дверь.

Однажды Герман совершил ошибку, взяв в поездку любовницу. Больше он такого не делал. Никогда. Даже отдыхать Марков предпочитал один, без бесконечного щебетания: «Зайчик, а здесь...», «Зайчик, а там...». Зайчик, сука!

Половой вопрос пришлось отложить. Единственная женщина, которую в этом доме хотел Герман, и женщиной-то не была. Малявкой, без особенных форм, вечно кутающаяся в оверсайз так, что невозможно разглядеть, есть там что-то женское или осталось плоским, несформированным, безытересным мужскому взгляду. Биполяройчкой попахивает, господин Марков.

Он в упор не замечал существования Ярины, лишь оплачивал счета за обучение, отдых на фешенебельных курортах, куда девчонку тащила Нина, чтобы максимальное количество людей видело – наследница Глубокого ни в чём не нуждается.

Пока этой осенью не поймал себя на том, что торчит в загородном доме, как приклеенный. Несётся из любого конца города, только бы успеть, пока Ярина не ушла к себе в комнаты. Следит за каждым движением, жестом, отмечает во что одета. Ему нравилось разговаривать с девчонкой, наблюдать за ходом её мыслей, спрашивать о дальнейших планах, интересах, желаниях. Он рассмотрел цвет её глаз. Синие! Настолько синие, что казалось невероятным, что раньше он не замечал.

Однажды Ярина сидела в гостиной, завернувшись в толстовку – кроме как «завернувшись» не скажешь, настолько огромной та была, и разговаривала с малолетним хлыщом. Одноклассником или приятелем из посёлка, Герман не знал, с кем общается наследница Глубокого. Социальные связи – прерогатива Нины.

Хлыщ громко говорил, размахивал руками, активно жестикулировал, потом положил ладонь на колено Ярины, сжал. Девчонка заметно напряглась, рефлекторно отодвинулась, лапа с колена мгновенно исчезла.

О, в какое бешенство пришёл Герман! Даже неистовство! Он видел всё, отмечал каждую деталь. Быстрый взгляд, слишком синий, даже нечеловеческий, мифический. Мгновенно расширившиеся зрачки парня, раздувающееся, как у молодого жеребца ноздри. Желание, написанное на лбу.

Герман с силой сжал апельсин, который за каким-то чёртом держал в руке. Хотел съесть? Затолкать в глотку уроду со следами акне на гнусной роже? Он помнил, как сочная мякоть потекла по пальцам, шмякнулась на пол, оставляя липкие следы. Помнил тошнотворный вкус того апельсина, в злости вцепился зубами в ладонь, влетев в гараж. Прыгнул в машину и свалил в ночь, едва различая дорогу.

Влюбился? Насмешка мироздания! Влюбиться в ту, что и человеком-то четыре года не была. Была никем, ничем, строчкой в завещании.

К утру пришёл в себя, поржал над ситуацией за кофе. Сколько раз он влюблялся за тридцать два года жизни? Пять? Семь? Он даже какое-то время был влюблён в любовницу, пока та не начала гундосить «Зайчик» и просаживать его деньги. С тех пор она появлялась у Германа постели только тогда, когда он этого хотел, на расходы поставлен лимит, всё, что выше, требует отдельного одобрения. Марков не испражнялся деньгами, а работал, вот и девица пусть отработывает лишнюю пару трусов или премиум-авто, в зависимости от того, какая блажь пришла в голову.

С тех пор Герман перестал приезжать, стал встречаться с Ниной на нейтральной территории, как всегда, оплачивал счета Ярины и ждал, пока чёртова влюблённость испарится.

Шум, гам, пiski выдержали из дрёмы, волнами накатывающей на Германа. Наконец-то он растянулся на постели, уверенный, что ближайшие часов двенадцать проведёт в кровати, в блаженном сне. Перевернулся на бок, обнял подушку. Расслабленное, усталое тело отказывалось делать лишние телодвижения. Уснуть – единственный план на ближайшие секунды.

Гомон нарастал, прибавился топот, грохот, будто по стенам и полу барабанили деревянными дубинами. Сумасшедший дом! А ведь спальня не первая комната, от коридора её отделяет просторная гостиная и две двери.

Герман подскочил. Кто бы ни был там, за дверями, сейчас он вылетит отсюда с грохотом. Мало первого этажа и участка на улице? Жилые комнаты – не место для празднования. Будь то девятнадцатилетие, выпускной, свадьба с похоронами в один день. У людей есть жизнь за пределами дебильных шоу на потребу зажавшейся публики!

Распахнул дверь, готовый стереть в порошок любого, кто бы там ни был. В коридоре носился запыхавшийся Джек Воробей, за ним с визгом топали, как стадо гиппопотамов, малолетние оболтусы дошкольного и младшего школьного возраста. Всего-то человек семь, а грохот такой, будто рота солдат репетирует марш Победы.

Джек Воробей мгновенно смекнул, что происходит. Замер перепуганным изваянием. Марков в пижамных штанах, мечущий взглядом молнии, красноречиво указывал на промах аниматора.

– Нина Александровна дала разрешение на игры на втором этаже, – тут же отчитался Джек Воробей, нервно поправляя шляпу.

– Туда идите, – Герман показал рукой в сторону левого крыла, к комнатам Нины. Пусть там и грохочут, могут даже стены снести ради веселья малолетних уродцев под предводительством аниматора.

На языке крутился отборный мат, кулаки чесались врезать по размалёванной морде Джека. Герман, столкнувшийся со взглядом девочки трёх лет, сдержался. С огромным, мать его, трудом!

– Там Кракен, – пискнула та, благодаря которой маленькие засранцы не обогатили словарный запас.

Кракен на улице наслаждался бляением со сцены и следил, чтобы доблестные работники прессы заметили, в каких прекрасных условиях живет наследница Дмитрия Глубокого. Вот вам служба кейтеринга, вот бассейн, вот друзья Ярины, вот на сцене гундосит ублюдок, дерущий деньги за откровенное дерьмо, которое кто-то назвал рэпом.

– Кракен ушёл в сад, – ответил Герман, уставившись на ребёнка.

– Кракен плавает, – возразила мелкая.

Чудо-логика трёхлетки вводила в ступор. В саду огромный моллюск ходить не может, он, черт возьми, плавает, а в комнатах Нины – запросто. Что на это ответишь? А мелочь стояла, смотрела глазёнками в половину лица, ничуть не смущаясь взрослого, незнакомого дядьки в пижамных штанах, ждала ответа.

– Кракен уплыл в сад, – привёл свой аргумент Герман. Раз плавает, значит уплыл!

– Ой! – взвизгнула мелкая, схватилась ладошками за пухлые щёки, уставилась в окно в торце коридора, выходящее в сад.

– Мы спасём тебя, прекрасная Маргарита! – заорал Джек Воробей. – За мной! – он указал в сторону комнат Нины, зашагал, громко топая сапогами. Малышня с воплями, грохотом понеслась за ним, как стадо ошалевших слонопотамов.

Герман постоял посредине спальни, накинул рубашку и отправился в бывший кабинет Дмитрия, находившийся в отдалении от жилых и гостевых комнат, от всего и вся. Иногда покойный ночевал там, запираясь на замок, отправляя во всем известное путешествие весь мир. Настало время Германа последовать примеру человека, считавшегося его отцом.

Дом – семьсот квадратов, поспать негде!

В кабинете стояла тишина, пахло пылью. Герман прошёлся по знакомым метрам. Каждый предмет оставался на своём месте, как было при жизни Дмитрия. Футляр для очков, органайзер, теперь уже пустой, хьюмидор, гильотинка для сигар, которые отец не курил, лишь время от времени нюхал, втягивая воздух, в наслаждении откидываясь на спинку кресла.

Герман прошёл вглубь кабинета, там, за огромным стеллажом, стоял диван, по-прежнему лежала подушка, плед. Вздохнул, устроился на мягкой коже, тут же провалился в сон.

Казалось, проспал целую вечность. Он блаженно потянулся, выбрался из-под пледа, огляделся. То же самое видел отец последние годы жизни, когда находился здесь. Этот угол кабинета был недоступен для всех, кроме хозяина. Взорам посетителей открывался стол, стеллаж, коллекцию ножей на стене, из этой точки кабинет смотрится иначе. Сродни оптико-геометрическим иллюзиям.

Выбрался из кабинета через библиотеку – ещё одно любимое детище Дмитрия Глубокого. Художественную литературу тот читал нечасто, в основном третьесортные криминальные детективы в мягких обложках, но редкие издания книг покупал. Коллекционировал так же, как ножи. Особо ценные экземпляры хранил в отдельных боксах, остальные стояли на полках в определённом порядке. В библиотеку не проникали солнечные лучи, здесь всегда поддерживался необходимый микроклимат. О бездушных вещах Дмитрий заботился тщательнее, чем о людях.

Герман замер. Столкнулся с летевшим локомотивом, упёрся лбом в непрошибаемую стену. Не мог сдвинуться с места, словно хапанул нервнопаралитического яда.

У окна с тёмными, в пол, портьерами стояла Ярина. Она нахмурилась, увидев Германа, отступила на жалкий шажок, поддела спиной ткань.

Не настолько и маленькой оказалась Ярина, совсем не та девчонка, которую помнил Герман. Внешне такая же как осенью, когда он в бешенстве раздавил несчастный апельсин и ускользнул из дома, иначе за цитрусовым последовала бы голова хлыща.

Ярина была почему-то в коктейльном платье. Ах, да, девятнадцатилетие, выпускной, начало новой жизни... Герман бросил взгляд на настенные часы, которые, вопреки поверьям, ни разу не остановились со дня смерти хозяина дома. Он проспал жалких два часа.

Длина подола выше колена открывала вид на стройные ноги. Не слишком длинные, девчонку явно выручал каблук. С таким росточком длинные ноги смотрелись бы так же ужасно, как и короткие. Сколько в ней сантиметров? Сто пятьдесят пять? Сто шестьдесят? Поясок демонстрировал тонкую талию, очень тонкую, судя по тому, что затянут пояс не был. Широкая оборка на плечах скрывала грудь – но в том, что под тканью есть что-то больше первого размера, сомнений не было, – зато открывала изящную шею и тонкие ключицы. Чёртовы ключицы, по которым хотелось пройтись языком, слизывая запах духов и молодости.

Тонкая талия, тонкие запястья, тонкие щиколотки, тонкая бечёвка, на которой хотелось повеситься, чтобы не думать, не хотеть, не представлять.

– Что вы здесь делаете? – хмурясь, спросила Ярина.

Герман тут же вспомнил, кого привёз в этот дом пять лет назад. Перепуганного, жалкого, тощего ребёнка, смотрящего на всё со страхом, а на него – с откровенным ужасом.

– С днём рождения, – хрипло со сна ответил Герман.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Он ведь вежливый, мать его, старший, чёрт побери, брат. Тридцатитрёхлетний мужик, который видел баб в таких ракурсах, что лучше бы этой девятнадцатилетней сестрице не знать. Мужик, который скорее откусит себе яйца, чем позволит себе посмотреть на девчонку, как на бабу – доступную, готовую к употреблению в любое отверстие.

Спас телефонный звонок, Ярина тут же ответила, будто рингтон был и её спасением тоже.

– Хорошо, иду, – тихо произнесла она. – Тётя Нина зовёт фотографироваться, – ещё тише пояснила и отправилась к двери.

Сраный день! Чёртов Джек Воробей! Пусть проваливает в ад к дружку Кракену! И Германа заберёт с собой, потому что жить без синих глаз, секунды назад смотревших на него, он не хотел, а с ними – не мог. Вот такая оптико-геометрическая иллюзия.

Глава 2

Он всё-таки выспался, проспал остаток дня и всю ночь. Без сновидений, кажется, не шевелясь. В какой позе рухнул на кровать, в той же и проснулся. Посмотрел на часы: не было и восьми утра. Рановато, в офис к обеду, однако спать больше не мог физически, лежать тоже.

Быстро принял душ, смывая утреннюю дремоту. Открыл окно, утро встретило летним, приветливым теплом, ещё не знойным. Взял плавки и отправился в уличный бассейн, размяться после долгих часов в постели не лишнее.

В доме – тишина. Не скажешь, что ещё вчера на всю округу гнусавил рэпер, носились, развлекавая малышня и отпрысков постарше, аниматоры, в том числе запыхавшийся Джек Воробей, громыхал фейерверк. Лишь несколько горничных привычно скользили по первому этажу, да на кухне топталась помощница по хозяйству – готовила завтрак.

Герман не стал отвлекаться на прислугу, каждый делает своё дело. Отправился в бассейн, находящийся с обратной стороны дома, той, что не предназначена для чужих глаз. На ухоженном газоне, среди живых изгородей из самшита, расположилось несколько беседок, в том числе с печью-барбекю, простаивавшей без дела с тех времён, когда был жив Дмитрий. Герман пару раз порывался пригласить друзей, посидеть по-свойски, как бывало любил Глубокий, но так и не собрался. Молодой организм требовал развлечений иного плана, а на все радости праздной жизни у Германа не было времени.

Вода оказалась более холодной, чем предполагал Герман. От неожиданности он вскрикнул, нырнув с разбегу, сразу же придал ускорения, проплыл подряд не меньше двадцати раз от бортика до бортика, несколько раз пронырнул всю длину бассейна на одном дыхании и, наконец, расслабившись, откинулся на спину и завис, как в воздухе. Небо стояло высокое, синее-синее, словно глаза Ярины...

Пришлось нырнуть с головой в воду, уже не остужавшую тело, разгорячённое физической нагрузкой и мыслями. Так и хотелось самому себе врезать по холеной морде Благостное настроение, с которым проснулся Герман, испарилось.

Уже и на небо невозможно посмотреть! Сразу вспоминаются глазищи Ярины. И эта тонкая талия, чёртовы ключицы, которые всё время хочется облизать. Запястья с полупрозрачной кожей и линиями тонких вен. Воздушный, еле слышный аромат духов.

Стоило вспомнить о Ярине – всё-таки решение приехать сюда было отчаянной глупостью, – Герман почувствовал на себе пристальный взгляд. Плавать резко расхотелось, осталось единственное желание – убраться из этого дома подальше. Поставить крестик на ладони и не возвращаться без очевидной необходимости. Смерть. Рождение. Пожар.

Окна спальни Ярины выходили на бассейн, это Герман знал наверняка. Сам когда-то решал, где устраивать свалившееся на голову «счастье» в виде четырнадцатилетней тощей девчонки, больше похожей на несформировавшегося парнишку. Поднял взгляд к окнам – не могла же она наблюдать за ним? Полупрозрачные шторы колыхнулись и застыли. Видимо, показалось.

В конце концов, нет восьми утра, для чего «сестричке» вставать в такую рань? Она должна отсыпаться после вчерашнего празднования, если вообще ночевала дома. Мысль кольнула, грохнулась в солнечное сплетение дикобразом, застряла там, пронзая внутренности иглами.

Когда Герман спустил к завтраку, Нина сидела в столовой, закинув ногу на ногу, барабанила подушечками пальцев по столу – признак задумчивости. Судя по лицу, ни о чём хорошем она не думала.

– Доброе утро, – поприветствовал Герман Нину и горничную, накрывавшую на стол. Горничная ответила мгновенно, обогнула входящего, отправилась по своим делам.

– Доброе, доброе, – буркнула Нина.

– Настроение плохое?

– Хорошее у меня настроение. Расчудесное. – Из Нины так и сочился яд, хоть наконецники стрел опускай и применяй, как тайное оружие. – Ты в курсе, что удумала Ярина? – не выдержала Нина. – Учиться на ветеринара!

– Это плохо? – Герман не понял причину возмущения.

Откровенно говоря, он не задумывался, что после школы Ярина должна выбрать институт, профессию. Ведь именно так поступают выпускники школ. Правда, кто-то идёт на кассу соседнего супермаркета, а кто-то едет в Гарвард. Касса наследнице Глубокого точно не грозит, даже если ей придёт в голову открыть сеть гипермаркетов по всему миру... Но ветеринар? Лечить коров? Хомяков? Впрочем, какая разница, пусть хоть жабовидных ящериц нянчит.

– И где она собирается учиться? – он понятия не имел, где находятся лучшие школы ветеринарии. Вряд ли в Кембридже. В Швейцарии, Германии?

– В нашей академии ветеринарии и сельского хозяйства, – обрубил Нина.

– В каком смысле «нашей»? – не понял Герман.

Сельское хозяйство, какой абзац! Кажется, его «сестрица» станет первой выпускницей престижной, со всех сторон элитной школы, которая выбрала сферой деятельности сельское хозяйство.

– В городе, – дёрнула плечами, как от разряда тока Нина.

– В чём трудность? – не то чтобы Герман понимал заход Ярины – по гамбургскому счёту ему плевать, куда отправлять платуза обучение, но и возмущение Нины было непонятно. Хорошая профессия, в конце концов, если разорится, начнёт кастрировать котов – прибыльное занятие, говорят.

– Она продолжит жить здесь, – нагнувшись к столу, прошипела Нина. «С-с-с-те-е-е-с-с-сь». Рядом не было знакомых, корреспондентов, досужих сплетников, можно позволить себе приоткрыть истинные эмоции.

– Три четверти дома принадлежат Ярине, – наступил он на мозоль Нине, да и себе.

Первая версия завещания, озвученная Глубоким ещё при жизни жене и приёмному сыну, гласила, что дом, в котором жила супружеская пара больше десяти лет, место, которое Герман считал и своим домом тоже, останется им двоим в равных долях. Вариант, устраивавший все стороны.

Герман искренне думал, что дом, в котором он рос, учился, совершал ошибки, мужал – его, если не с юридической точки зрения, то с человеческой определенно. Нина, помимо морального удовлетворения, получала хороший кусок недвижимости. У четы Глубоких был составлен брачный договор, на взгляд Германа – абсолютно кабальный для Нины. Видимо, подписать злосчастную бумагу, было единственным вариантом выйти замуж за Дмитрия.

В итоге Герман получил мясистый кукиш под нос, а Нина – половину от обещанного мужем. Не так и плохо, но явно меньше, чем ожидала. В придачу же, особо ценным призом, шла «наследница».

– Пусть в городе живёт. – Спорить с Ниной не хотелось, Герман понимал её чувства. Годы, казалось бы, счастливого брака. Пронзительное горе, сразившее внезапно, ранним утром обыкновенного буднего дня и, как пощёчина, появление Ярины.

Наследство? Герман знал, Нина с радостью отдала бы то, что в итоге получила, бросила все щедрые подарки Глубокого за годы брака. Вернулась бы в квартиру, где она когда-то жила, – крошечную двушку в спальном районе, – лишь бы не знать о неверности мужа. Не видеть каждый день своей последующей жизни подтверждение тому, что она не смогла дать мужу главное – ребёнка.

Если бы дело было в деньгах, Герман отдал бы всё, что имеет, женщине, заменившей ему мать! Нина искренне любила мужа, настолько, насколько может любить женщина. Герман

был уверен, что и сейчас, спустя пять лет после смерти Дмитрия, вскрывшейся измены, Нина не подпустила к себе ни одного мужика. Появление «наследницы» – оплеуха с оттяжкой с того света.

– Взрослая девица, справится, – продолжил он.

– Скажи ещё – в общежитии.

– Не знаю... У тебя же есть квартира, пусть там живёт. – Договорить Герман не успел, примирительно поднял руки. Огромную квартиру с видом на реку Нине купил муж, в качестве подарка на годовщину свадьбы. За всё время она была там один раз, когда получала ключи. С тех пор квадратные метры размером с маленький полигон пустуют, но предложение пустить туда Ярину – такое же утопическое, как идеи коммунизма.

– В моей пусть живёт.

– С тобой? – Нина уставилась на него, как на душевнобольного.

– В центре, – тут же отрезал он, успев представить, как видит полусонную мордашку, горячее со сна тело, как губы тянутся к чёртовым ключицам. – Не разводи драму, купим квартиру, и дело с концом, – тут же добавил он, решив закруглить неприятный разговор. Дохода, полагающегося Ярине, абсолютно точно хватит не на одно жильё. При желании можно купить многоквартирный дом и мигрировать по квартирам.

– Доброе утро, – раздалось за спиной Германа как гром среди ясного неба.

Надежды, что девчонка не слышала конец разговора, не было. Он обернулся, Ярина двигалась вдоль стола, вжав шею в сторбленные плечи. Не сильно, не сравнить с тем, что было пять лет назад, когда худая фигурка скукоживалась, пальцы с короткими ногтями обхватывали костлявые плечи, сквозь ткань выпирали лопатки, а голова качалась на тощей шее.

– Доброе, – ответил Герман и без обиняков спросил: – Говорят, ты на ветеринара собралась учиться?

– Это невозможно? – негромко уточнила Ярина.

– Возможно, но почему в России? – спросил он, словно на самом деле хотел, чтобы «сестра» скрылась на другом конце света, оставив ему возможность оплачивать её счета и воспоминания о чёртовых ключицах.

– Я не могу уехать, – услышал негромкий, но твёрдый ответ.

Герман смотрел, как Ярина надламывает вилкой сырник, поддвигает ближе к краю стола чашку с какао, подносит ко рту маленький кусочек, раскрывает губы. Сраное, чёртово воображение подкинуло картинки, которые не должны посещать мозг. Даже если он насквозь прогнил, пропитался пороком и похотью до краёв, такого в голову приходить не должно! Не в отношении пигалицы, сидящей напротив, считавшейся его сестрой. Младшей, гребаный ад, сестрой!

– Почему? – продолжил допрос Герман.

Ярина вздохнула, колупая вилкой сырник. Точно! Конечно, она никуда не уедет. У девочки осталась единственная родственница – древняя, как мир, старуха. Прабабушка, находящаяся сейчас в доме-интернате под круглосуточным присмотром медицинского персонала. Года два назад она перестала узнавать правнучку, а сейчас уже не помнила собственное имя. Ярина не уедет, пока бабушка жива. Та может продержаться ещё несколько лет, учреждение, в которое Нина устроила старушку, одно из лучших в регионе. Вовсе не из избыточной филантропии, просто оставлять пожилого человека умирать в тех скотских условиях, в которых её нашли – невозможно. Лишайного кота не бросишь, а здесь старуха, пусть и наполовину без памяти.

Неуютная тишина повисла над столом, впрочем, как и всегда во время общей трапезы. Герман помнил, Нина честно пыталась ввести совместный приём пищи, как это бывает в нормальных, обыкновенных семьях, как было, когда он рос, но затея потерпела крах. Ярина дёрга-

лась, не могла проглотить и кусочка под сверлящим взглядом мачехи. Нина нервничала от происходящего ещё сильнее, если это и было возможно в те годы.

Сейчас, спустя время, ситуация изменилась. Совместные обеды проходили без очевидного раздражения со всех сторон, однако общая атмосфера была схожа с поминками. Словно по центру стола стоит гробик с почившим хомяком, бывшим при жизни отъявленным рецидивистом, а присутствующие придерживаются золотого правила: «О мёртвых либо хорошо, либо ничего», погружая столовую в глухую, душную тишину.

– Приятного аппетита, – Ярина доела сырник, встала из-за стола, двинулась к выходу, подавив в себе желание убрать за собой посуду. Едва различимый жест, доставшийся в наследство от прошлого, как и сжатые плечи. – Я в город, – обратилась она к Нине, та в ответ лишь кивнула.

– Довежу, – зачем-то бросил Герман. Ему что, заняться больше нечем? Стоит приехать в офис, просто открыть ноутбук, как неотложные дела накроют с головой, не оставив и макушки на поверхности.

Ярина самостоятельная девушка, умеет пользоваться такси. В штате Нины Глубокой есть постоянный водитель, прямо сейчас он сидит в помещении для отдыха прислуги, ждёт, когда вызовут. «Сестрёнке» не составит труда добраться хоть в город, хоть в Сен-Тропе, хоть к чёрту лысому на рога. Так нет же! Герману понадобилось предложить услуги извозчика.

– Ладно, – растерянно пробормотала Ярина и пошла в сторону выхода.

– Нин... – Герман пересел ближе к женщине. – Мам, ты молодец у меня. Правда. – Он попытался выдавить из себя улыбку, но получился кривой оскал.

– Всё хорошо, сынок. – Нина потрепала его по голове, как когда-то в детстве. Вспомнилось, как он млеет от этого жеста в три года. Тогда Нина казалась ему сказочной феей, волшебницей, пахнувшей леденцами «Монпансье».

Ярина топталась у гаража. Отросшие чуть ниже плеч волосы какого-то кофейно-шоколадного оттенка, были собраны в небрежный хвост. Ноль косметики на лице, или синие глаза перебивали макияж. Футболка с изображением полоумных, дерущихся котов, короткие джинсовые шорты, кроссовки, откуда выглядывали разные по цвету капроновые носки. Что и говорить, девчонка, в которую стоило влюбиться тридцатитрёхлетнему мужику, перепробовавшему все допустимые для себя виды секса. А допускал он многое. Из праздного любопытства, чистой, концентрированной похоти, или потому что мог.

Герману в очередной раз захотелось ударить себя. В этот раз – вмазать в солнечное сплетение, где всё ещё торчали иглы дикобраза. Хватит! Увлечение недоразумением в разных носках обязательно пройдёт. Последнее, чего в своей жизни хотел Марков – романа с девятнадцатилетней пигалицей. И абсолютно точно, ценный приз в его лице этой самой пигалице не нужен. Какие парни нравятся студенткам? Тощие, гнусавые, с полуспущенными штанами рэперы. Или напичканные уколами тестостерона качки. Ботаны с перспективами на будущее.

– Садись, – Герман открыл дверь авто из салона, не стал обходить и галантно приглашать Ярину. – Куда? – не успела пассажирка усесться, буркнул он.

Услышал адрес, перевёл удивлённый взгляд на девчонку. Что она забыла в районе с пластами многоэтажек эконом-сегмента? Краина города, откровенные «чёртовы куличики», за которыми начинается пока не снесённый полуразвалившийся частный сектор.

– Чего ты там забыла? – Он уже вырулил на дорогу, ведущую к пункту охраны, когда задал этот вопрос.

– Я обязана отчитываться? – Ответила Ярина ему, только говорила почему-то своим коленям. Голым, мать их, коленям и таким же оголённым, почти до самой пятой точки, бёдрам.

– Нет. – Ведь действительно не должна. Нет такого пункта в завещании и быть не может. Воля покойного – волей, законодательство – законодательством. – Просто интересно.

– Там приют для бездомных животных, мы с Елисеем помогаем три раза в неделю.

– Волонтёры, значит?

– Волонтёры.

Герман лишь кивнул в ответ. Что ж, дело благое, хотя могла бы ограничиться финансовой поддержкой. Он искренне не понимал стремления помогать сирым и убогим, возиться с животными, стариками, детьми. Помочь деньгами? Не вопрос! Периодически перечислял существенные суммы в фонд, занимающийся детской онкологией, и учреждению, организовавшему реабилитацию людей с пагубной зависимостью – наркотики, алкоголь – сделав переводы регулярными. Однако вникать в личные проблемы несчастных, играть с больными, обречёнными детьми, тем более убираться в вольерах животин, самолично вынося испражнения – увольте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.